

УДК 397:304.2 (Первобытные народы. Кочевые народы. Цыгане. Особые народы, народности, племена с точки зрения их нравов, привычек и обычаев. Народы и племена, не имеющие собственной территории и не смешивающиеся с народами, на территории которых они обитают / Социальные и культурные проблемы)

ВЕРТИКАЛЬ АМУРСКОГО КОСМО-ПСИХО-ЛОГОСА И СОВРЕМЕННЫЙ ШАМАНИЗМ

© 2023 М.А. Плохотнюк, Я.С. Крыжановская

Плохотнюк Маргарита Алексеевна, аспирант кафедры культурологии и музеологии

E-mail: reine.margoth@gmail.com

Крыжановская Яна Станиславовна, доктор культурологии,
доцент, заведующая кафедрой культурологии и музеологии

E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru

Хабаровский государственный институт культуры
Хабаровск, Россия

Статья поступила в редакцию 06.04.2023

Статья посвящена исследованию «мифа» Приамурья как трансграничной территории в рамках концепции Г.Д. Гачева о «Космо-Психо-Логосе». В работе делается акцент на дихотомию Вертикальности/Горизонтальности, которая коренится в природном ландшафте, окружающем проживающие на данной территории коренные этносы (ульчи, нанайцы, орочи, удэгейцы, эвенки, эвены, негидальцы), и формирующую специфический «образ мира». Авторы исследуют основные нативные мифологемы и символы коренных народов Приамурья, обладающие свойством вертикальности (таких как трехчастная модель мира, иерархичность мира духов и божеств, космогонический порядок, мифические птицы, река, традиционное жилище, шаманское дерево и культовые деревья, гора и др.), а также подчеркивают роль традиционного шамана во взаимодействии с этой Вертикалью. Авторы обращают внимание на эклектичность современного мифа Приамурья, который является гораздо менее структурированным и целостным, при этом в нем присутствует значительное количество заимствований, а провести четкую линию между «аборигенным» и «русским» образами мира не представляется возможным. Авторы делают выводы о вероятных причинах роста интереса к шаманизму и современным шаманским практикам, в т.ч. и на территории Приамурья.

Ключевые слова: вертикальность, Космо-Психо-Логос, кроссрадиционный шаманизм, Приамурье, современный шаманизм, трансграничная территория, универсалии, шаманизм

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-92-101-108

EDN: PUYQKO

Введение. Приамурье – историко-географическая область на юге Дальнего Востока России – обладает уникальными культурными характеристиками, неоднократно отмечавшимися в научной литературе. Ретроспективный взгляд на историю региона, а также беглый анализ многообразных наслоений культурных парадигм не оставляют сомнений в этом факте. С одной стороны, в гуманитарных исследованиях регион маркируется как территория трансграничная, поскольку именно здесь проявляется «особый эффект пересечения российской и китайской культуры» [9, с. 53]. С другой – земли в бассейне р. Амур являются традиционными для проживания группы этносов, сформировавших здесь к сер. XIX в. своеобразное поликультурное единство.

Это поликультурное единство образовалось в результате взаимодействия тунгусо-маньчжурских народов (ульчей, нанайцев, орочей, удэгейцев, эвенков, эвенов, негидальцев), а также палеоазиатов нивхов.

Наконец, в-третьих, тогда же, с сер. XIX в., когда регион начинает активно осваиваться Россией и сюда хлынули потоки переселенцев из центральной части страны, складывается особая социальная общность, ориентированной на постоянную изменчивость – т.н. «проточная» культура [5]. С учетом всех этих сложных культурных наслоений неизбежно возникает вопрос: каков сегодня «миф» этой трансграничной территории и как он транслируется? И есть ли он вообще, этот «миф места»?

История вопроса. Р. Барт полагал, что миф по своей сути является словом, следовательно, все покрываемое дискурсом, способно стать мифом: «...слово является сообщением. Следовательно, оно может быть не обязательно устным высказыванием, но и оформляться в виде письма или изображения; носителем мифического слова может служить все...» [2, с. 266]. Если же мы говорим о целом регионе, продуктивным представляется подход Г.Д. Гачева, считавшего, что каждый этнос обладает своим уникальным образом мира, обусловленным целостностью «Космо-Психо-Логоса» как единства ландшафта, национального характера и национального духа [6, с.8]. Важно упомянуть, что несмотря на обобщающее название работы «Национальные образы мира», сам учёный допускал употребление термина «региональный» наряду с понятиями «национальный» и «этнический». Это крайне важно для нашего исследования, т.к. Приамурье является многонациональным регионом, а в его культуре переплетено наследие разных народов. Именно поэтому речь пойдёт о региональном, приамурском «образе мира», который легитимно назвать локальным «мифом места».

Методы исследования. Культурологический анализ мифологем и универсалий, с точки зрения концепции Космо-Психо-Логоса Г.Д. Гачева.

Результаты исследования. В соответствии с концепцией Г.Д. Гачева, «каждая национальная целостность – народ, страна, культура – имеет особое мировоззрение, уникальную шкалу ценностей» [6, с. 8]. К универсальным элементам, у всех народов, участвующих в формировании «образа мира», он относит Время/Пространство, Вертикаль/Горизонталь, животный/растительный символизм, Гонимую/Ургом, образ Бога, основные вопросы (Что? Почему? Как?), символическую эмблему мира и т.п. При этом первичной данностью, формирующей «образ мира», выступает природа, культура же представляет форму адаптации человека к тому типу ландшафта, которым он располагает: именно природа определяет традиционные формы жизнедеятельности, род занятий, быт народа и т.д.

«Слитность» природного и культурного порождает феномен этнокультурной проекции, который, с одной стороны, является комплексным процессом переноса характеристик окружающего мира, в частности, сакральных (культурно-исторических) ландшафтов и природных комплексов,

на менталитет человека, а с другой – как «интроекция, т.е. специфический механизм встраиваемости окружающего пространства во внутренний мир человека» [4, с. 215]. Такая проекция сакрального в мир обыденного мироощущения и повседневного опыта приводит к тому, что индивид обретает способность выхода за пределы собственной чувственной данности, начиная постигать феномены внешнего по отношению к нему мира, которые не могут быть наблюдаемы непосредственно.

В рамках данной статьи мы не можем взять на себя смелость максимально глубоко исследовать приамурский «образ мира», однако попробуем проанализировать дихотомию Горизонталь/Вертикаль как важную часть этого образа.

В современном этническом составе населения Хабаровского края, на территории которого располагается большая часть Приамурья, доминирует русское население – 91,8%, на втором месте – украинцы – 2%, на третьем – нанайцы – 0,85% [12]. Однако, приступая к анализу региональной ментальности, необходимо обозначить тот факт, что на ее формирование, в первую очередь, повлияли представления аборигенных этносов региона, – в силу их исторической укорененности на данной территории.

Складывающийся веками жизненный уклад амурских этносов был максимально «встроен» в окружающий ландшафт, а их культура базировалась на бережном отношении к природе как естественной среде обитания. Преобладающий кочевой охотничий образ жизни способствовал тому, что у этих народов пространственные ориентации развивались приоритетно и возобладала над временными, – что вполне соответствует гипотезе канадского психолога Дж. У. Берри, исследовавшего влияние среды на формирование определенного психологического типа [3].

Согласно традиционным представлениям, пространство мыслилось не однородным и цельным, но фрагментарным, с разными характеристиками в отдельных его локусах. Пространство представлялось как некая невидимая материя, проявляющая себя через конкретные вещи и неразрывно с ними связанная. Продолжая эту мысль, отметим, что в амурской культуре пространство выступало и как пространство наглядное, видимое (т.е. часть знакомого ландшафта, окружающая человека среда его жизни, осваиваемая

мая в процессе жизнедеятельности), и как пространство мыслимое (мифологическое). И если в первом случае преобладали горизонтальные ориентации и специфические пространственные локализации – река, море, озеро, тайга и т.п., то во втором явно преобладала вертикаль, устанавливающая связь человека с иными мирами и силами [10]. Это выражалось в космологических и космогонических представлениях амурских этносов, специфике объектов почитания.

Анализируя эти представления, начать следует с трёхчастной структуры мира, которая присутствует в мифологии народов Приамурья и включает верхний (небесный) мир, средний мир и мир подземный, нижний. Е.В. Шаньшина отмечает: «В этой вертикальной, трёхчленной структуре земной мир и все с ним связанное занимают срединное положение и называется миром людей. Однако, как показывают материалы по другим народам, подобные взгляды не являются начальными: исторически им предшествуют представления о горизонтальной, плоскостной структуре пространства, хозяйственно освоенного тем или иным коллективом» [16, с. 25].

Мир неба является многоуровневым и населяется высшими духами, божествами, небесными светилами. Нижний мир также обладает несколькими «ярусами», одним из которых является бунн – мир мёртвых. Точка входа в мир неба – Полярная звезда, в нижний мир – различные отверстия и ямы в земле, а также глубокие водоёмы. При этом все три мира строились по одним принципам, – жизнь в верхнем и нижнем мирах была такой же, как и на земле, но в зеркальном отражении, например, лету на земле соответствовала зима в верхнем и нижнем мирах. [15, с.34].

Божества и духи находятся внутри каждого мира в чёткой иерархической взаимосвязи, подобной некоей бюрократической организации, на что обратил внимание еще В.К. Арсеньев, предположив, что это реликты утраченной государственности, существовавшей, например, у удэгейцев, в далеком прошлом [1, л. 22].

Путешествовать по этой трёхчастной вертикали, согласно представлениям народов Приамурья, может только шаман: он способен «взлетать» в верхний мир, обращаться к его духам и богам, а также путешествовать по нижнему миру, чтобы, например, найти там душу больного человека. В описаниях шаманских путешествий часто фигурирует река, связывающая мир неба и нижний мир. Она же, одновременно с этим, была и путём шамана. «У каждого шамана того или иного рода

была своя речка, по которой чужой шаман пройти не мог» [15, с. 34].

Примечательно, что река у местных народов может быть одновременно и вертикалью, и горизонталью. Изображения реки с многочисленными протоками уподобляются шаманскому или родовому древу (что сущностно тоже есть вертикаль) [7, с. 82]. Конечно, Амур со всеми своими просторами и разливами русскому глазу выглядит широким, родным, горизонтальным. Такой взгляд вполне соответствует русскому «образу мира», для которого базовыми являются горизонтальные пространственные ориентации: «Для России, которая «бесконечный простор» (Гоголь), горизонтальные идеи – Даль, Ширь, Путь-Дорога – превалируют» [6, с. 18]. Однако для аборигенных этносов не менее важна была и «вертикальность» Амура, в том числе и в хозяйственной деятельности: расположение рыбака выше/ниже по течению согласовывается с сезонными перемещениями проходных видов рыбы (например, кеты), которая сначала поднимается вверх по течению, а затем спускается вниз. Жизнь и промысел многих современных жителей Приамурья до сих пор чувствительны к изменению уровня Амура («высокая» и «низкая» вода).

Вертикальная трёхчастная модель мира находит своё отражение в структуре жилища приамурцев (дом как микрокосм). Так, особо важной частью нанайского традиционного жилища являются столбы, особенно столбы центральные. Как отмечает Я.С. Иващенко, «если боковые столбы поддерживали каркас жилища на периферии (стены), то срединные помогали “стоять” крыше, являющейся микромоделью небосвода. Эта их функция – намёк на соотнесение главных опор дома с мифологическим образом мирового древа, которое соединяет будущее и прошлое с настоящим, небо и преисподнюю – с землёй, потомков и предков – с живущими в настоящем времени людьми» [7, с. 83]. Центральные столбы, таким образом, символизируют ось мира. Верхнее дымовое отверстие – не только точка связи с внешним миром, но и символ мира неба. Нижнее дымовое отверстие, напротив – считалось опасным местом в доме, – согласно традиционным представлениям именно через него в жилище могли проникнуть злые духи, во избежание этого очаги старались постоянно топить.

Говоря о Космо-Психо-Логосе, Г.Д. Гачев упоминает о необходимости использования некоего метаязыка, посредством которого были бы воз-

можно рассуждения о явлениях духовных, эмоциональных и физических. В качестве таковых, по его мнению, может выступать античный натурфилософский язык, оперирующий концептом четырёх первоэлементов. Это земля как твердая, тяжелая и инертная материя, вода как мягкое. Объединяющее и связывающее женское начало, огонь, символизирующий активность, энергию и мужское начало, а также воздух [6, с. 47]. Этот язык, по мнению учёного, легко способен накладываться на современность, формировать фундаментальную метафору и своеобразное поле, «с которого снимается богатый урожай образов и ассоциаций посредством дедукции воображения и воображением, - или “имагинативной дедукции”» [6, с. 48-49].

Интересно проследить «игру» этих первоэлементов на примере тунгусо-маньчжурских мифов о сотворении земли. Примечательно, что речь идёт именно о земле, а не о вселенной – вселенная понимается как нечто, существующее изначально и бесконечно. Такими же константными являются две первостихии – вода и воздух (небо), которые, будучи «разлиты» в пространстве без каких-либо точек отсчёта, формируют своего рода «верх» и «низ», во многом соотносящийся с верхним и нижним миром. «Сначала вообще ничего не было, были только вода и небо...» [16, с. 26]. Первоэлемент земли, таким образом, является в некоторой степени вторичным.

Распространён мотив о творении земли птицами, которые населяли мир ранее всех других существ, причём от вида птицы-демиурга зависит и способ творения. Так, водоплавающая птица (утка или гагара) «поднимает» землю из глубин воды. Ворона и сорока просят кусочек земли у Солнца. Ворона в полете съедает этот кусочек, а затем отпрыгивает в воду – так открывается проход в *буну*, мир мёртвых. Сорока, попросив у Солнца землю, доставляет её в целости, а вместе с ней приносит различные растения и деревья. Орёл «умыкает» кусочек земли из других пространств, а затем разбрасывает его по поверхности воды [16, с. 27-28]. Здесь примечательно, что, во-первых, акту творения земли предшествует некое «вертикальное» движение орнитоморфного демиурга (вверх или вниз), а во-вторых, и сами демиурги – мифические птицы – символически являются обитателями «вертикальных» пространств (в отличие, например, от млекопитающих или рептилий). Таким образом,

обитатели вертикали воспроизводят эту вертикаль, упорядочивая мир и создавая пространство, пригодное для людей.

Стоит отдельного упоминания и мифическая птица *Кори*. Ее представляли в виде гигантского орла или большой, похожей на страуса, птицы на длинных ногах. Такая птица не столько летала, сколько быстро бегала. В шаманской же мифологии речь идет о железной птице, у которой «вместо клюва – пешня, вместо хвоста – пальма (копье на медведя), а крылья оканчиваются кривыми саблями маньчжуро-китайского типа» [15, с. 30-31]. Существуют различные предания об «обычной» и «шаманской» *Кори*. «Шаманская» птица охраняет выход за пределы неба – отверстие в небосводе, окружённое зубцами острых скал. Пройти сквозь этот вход не способен обычный человек – только шаман, и, если ему удалось достичь этого предела, птица подвергает его испытанию: шаману нужно залезть на железное дерево (ещё один вертикальный символ) и удержаться на нем, не уснув. Слабые шаманы не выдерживали проверки, засыпали и, сонные, падали на землю, чтобы окончательно в ней увязнуть. Сильные шаманы с честью проходили испытание и возвращались во внутренний мир уже «через другое отверстие небесной сферы, отождествляемое с Полярной звездой» [15, с. 31].

Также *кори* упоминается в мифах об охоте. Убить эту птицу на охоте считалось везением, но это было непросто. Части тела птицы делились в этом случае между родами, которые, таким образом, получали от птицы название и определенный дар. Например, род, получивший гортань, становится главенствующим, а его члены обретали красноречие [11, с. 291]. «Обычная» *кори* может быть духом-помощником шамана. Так, мифическая птица, будучи обитателем вертикальных пространств, во-первых, является стражем небесных пределов, во-вторых, служит средством, благодаря которому на обитателей земного мира «снисходят» родовые названия и соответствующие им способности, в-третьих, является помощником шамана в его шаманских путешествиях в мир мёртвых.

Циркумамбулятивно возвращаясь к теме четырёх первоэлементов (а именно циркумамбуляция как способ движения мысли представляется нам оправданной для исследования и охвата концепции Вертикали), обратимся к верховным бо-

жествам тунгусо-маньчжуров, иначе говоря, хозяев природы. Вы уверены, что без этих не самых употребительных терминов Вам не выразить Вашу мысль? Высшим в этой иерархии является бессмертный Эндური, правитель неба, олицетворяющий, с одной стороны, небесное, воздушное, а с другой стороны – правильное, упорядоченное в среднем мире: «Если он замечал, что люди грубо нарушают законы и обычаи рода, то предупреждал их солнечным затмением, разными болезнями, от которых случалось массовое вымирание» [15, с. 35]. Другие особо почитаемые божеества – Тэму (правитель водной стихии) и Подя (бог огня) – проживают в нижнем мире, в части, называемой *доркин*, притом хозяином этой части подземного мира, по мнению ульчей, считается именно Тэму (или Тэму Эдени), что объяснимо мифологической синонимией между водой и Хаосом [16, с. 27], а также тем, что именно в воде был открыт проход в нижний мир в процессе творения земли. Примечательно, что земных божеств, равных по значимости Эндуре, Поде и Тэму, обнаружить не представляется возможным. Средний, земной мир населен духами мест и природных объектов, явно уступающих по силе «первостихийным» божествам, однако эти божества являют себя в пространстве среднего мира, следовательно, их бытие проявлено в вертикали.

Одним из самых очевидных символов вертикали является образ дерева, играющий большую роль в культуре и мифологии тунгусо-маньчжуров Приамурья вплоть до XX в. Истоки первомифа о Мировом древе исследователи находят уже в верхнем палеолите. Его отголосками является образ родового древа, чьё изображение до сих пор можно обнаружить в образцах декоративно-прикладного искусства нанайцев и др. народов – вышивке на одежде, предметах быта и т.п. Корнями этого дерева являются предки рода, а птицы, сидящие на ветвях – души пока ещё не родившихся потомков. Существуют предания и о шаманских деревьях, еще одном варианте архетипа Мирового древа, представлявших собой некую символическую ось, соединяющую разные миры: «Этого дерева нет ни на земле, ни на небе», – цитирует А.В. Смоляк нанайца Ф.К. Онинка, – оно есть только в шаманском сне» [14, с. 25]. Само происхождение шаманства нанайцы связывали с существованием этого дерева и считали, что оно растёт во всех сферах мира и помогает шаману путешествовать по разным мирам, являясь одновременно и деревом жизни, и шаманским деревом.

Кроме дерева, существующего в метафизическом мире, у нанайского или ульчского шамана наличествовало *тороан* (или *дару*) – дерево-столб, которое появлялось, как правило, в начале пути становления шамана во время тяжёлой болезни. Начинаящий шаман видел это дерево во сне, другие шаманы камлали, чтобы выяснить, где оно находится. «Близкие шаману люди искали его иногда очень долго, пока, наконец, находили, приносили и ставили за домом, за огородом. Затем приносили к нему фигурки духов и обвязывали ритуальными стружками. После этого шаман поправлялся» [14, с. 26].

С деревьями связаны и предания о происхождении родов – первопредок каждого рода произошёл от отдельного вида дерева [17, с. 492]. Существовал культ священных деревьев с большим количеством табу (например, на осквернение и поломку дерева). С деревьями связаны и многочисленные погребальные действия (например, традиция воздушного захоронения младенцев в ветвях и дуплах).

Завершим наш обзор приамурских образов Вертикали символом скалы/горы. Мировая гора выполняет в космологии тунгусо-маньчжуров функции, во многом аналогичные Мировому древу. Этот образ мог претерпевать и вторичную, и третичную мифологизацию – Мировая гора могла являть себя как в конкретной скале, особо почитаемой народами региона, так и в образе рукотворных объектов [13, с. 86]. Скалы, которыми изобилует побережье Амура, наделялись сакральным статусом и магическими свойствами. Считалось, что у каждой скалы или горы есть свой дух-хозяин, влияющий на благополучную жизнь людей, проживающих в окрестностях. У таких скал, особенно имеющих необычную форму, нередко совершались обряды поклонения духам-хозяевам территорий [15, с. 71].

Выводы. Таким образом, мы видим, что в мифологии и обрядовости коренных народов Приамурья широко представлены символы Вертикали, коренящиеся в том числе в естественной природной данности данного региона. Шаман как посредник между мирами физическим и метафизическим связан с этими символами более тесными узами, чем обычный человек.

Если мы будем говорить о современном Приамурье и его «мифе», то миф этот в первую очередь предельно эклектичный и не выстроенный, поскольку в нем присутствует масса заимствований, нарушающих целостность. Он выступает

чаще всего во фрагментарном виде – как отдельные образы, представления, установки, которые имеются у конкретных людей и обычно являются непосредственным отражением условий жизни конкретного человека. Чётко разграничить «аборигенный» и «русский» образы Приамурья не представляется возможным, по причине того что любая граница есть «склейка означающего и означаемого» [8, с. 13].

Исследователи отмечают некоторые проблемы с самоидентификацией, присущие современным жителям Дальнего Востока вообще и Приамурья в частности [5]. В настоящее время в концептуализации идентичности существуют разные подходы, основным среди которых выступает конструктивистский. Согласно ему, «человек формирует чувство собственной идентичности в постоянном взаимодействии со средой, в том числе через межкультурные контакты, в результате чего можно фиксировать определённую трансформацию идентичности, трансформацию чувства самого себя» [13, с. 47].

В подобной ситуации неудивительно, что некоторые дальневосточники, находясь в континуальном вялотекущем кризисе самоидентификации и поисках духовных опор, обращаются к разнообразным практикам, имеющим некоторое отношение к шаманизму и его современным вариациям: неошаманизм, «базовый» шаманизм, кросс-традиционный шаманизм, архаические практики в психотерапии и т.д. Речь идёт, разумеется, не о том, что каждый житель Приамурья – латентный шаман или шаманист. Однако локальный миф – традиционный приамурский Космо-Психо-Логос – является более целостным и структурированным по сравнению с современным. Укоренённая в природе вертикальность Приамурья не остаётся скрытой от нашего соотечественника. Другой вопрос – во-первых, собственный культурный багаж часто не оставляет сколько-нибудь конгруэнтных инструментов взаимодействия с ней, а во-вторых, тяга к архаике может оставаться глубоко бессознательной, трансформируясь и находя иные способы выражения.

1. Архив ПКО РГО-ОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Путевой дневник. Орочи, удэге. 1908–1909 гг.
2. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт; пер с фр., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. – М.: Академический проект, 2010. – 351 с.
3. Берри, Дж. У. Экокультурная психология / Дж. У. Берри. [Электронный ресурс]. – URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/326815888> (дата обращения: 06.04.2023).
4. Березницкий, С. В. Этнокультурные проекции сакральных ландшафтов у коренных народов Амура и Сахалина // Этнография. – 2021. – №4 (14). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-proektsii-sakralnyh-landshaftov-u-korennyh-narodov-amura-i-sahalina> (дата обращения: 06.04.2023).
5. Бляхер, Л. Е. Региональная самоидентификация и трансграничные практики на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. – 2005. – №1. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-samoidentifikatsiya-i-transgranichnye-praktiki-na-dalнем-vostoke-rossii> (дата обращения: 06.04.2023).
6. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира: курс лекций / Г.Д. Гачев. – М.: Academia, 1998. – 429 с.
7. Иващенко, Я. С. Мифологическая интерпретация мира в устройстве традиционного нанайского жилища // Вестник ДВО РАН. – 2010. – №2. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologicheskaya-interpretatsiya-mira-v-ustroystve-traditsionnogo-nanayskogo-zhilischa> (дата обращения: 06.04.2023).
8. Каганский, В. Л. Ситуация границы и логико-семиотические типы границ / В. Л. Каганский // Международный журнал исследований культуры. – 2015. – № 4(21). – С. 5-27.
9. Королева, Е. А. Эзотеризм в трансграничной культуре (к постановке проблемы) / Е. А. Королева // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 6(62). – С. 52-55.
10. Крыжановская, Я. С. Зрелище в традиционной культуре тунгусо-маньчжуров и нивхов юга Дальнего Востока России (середина XIX – начало XXI вв.): дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / Крыжановская Я.С. – Комсомольск-на-Амуре, 2019. – 411 с.
11. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 672 е.: 16 л. ил.
12. Население Хабаровского края, численность, занятость. [Электронный ресурс]. – URL: <https://bdex.ru/nasele-nie/habarovskiy-kray> (дата обращения: 06.04.2023).
13. Петрунина, Ж. В. К проблеме трансформации национальной идентичности русских на Северо-Востоке Китая / Ж.В. Петрунина, Г.А. Шушарина, Т.А. Чебанюк // Вестник Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2022. – №VI-2 (62). – С. 46–49.
14. Смоляк, А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура) / А.В. Смоляк. – М.: Наука, 1991. – 280 с.
15. Старцев, А. Ф. Этнические представления тунгусо-маньчжуров о природе и обществе / А.Ф. Старцев. – Владивосток: Дальнаука, 2017. – 232 с.

16. Шаньшина, Е. В. Мифология первотворения у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока России. (Опыт мифологической реконструкции и общего анализа) / Е.В. Шаньшина. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 156 с.
17. Штернберг, Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны / Л.Я. Штернберг; под ред. и с предисл. Я.П. Алькора (Кошкина). – Хабаровск.: Книж. изд-во, 1933. – 740 с.

THE VERTICAL OF AMUR COSMO-PSYCHO-LOGOS AND MODERN SHAMANISM

© 2023 M.A. Plokhotnyuk, Ya.S. Kryzhanovskaya

Margarita A. Plokhotnyuk, Postgraduate Student, Cultural Studies and Museology Department

E-mail: reine.margoth@gmail.com

*Yana S. Kryzhanovskaya, Grand PhD in Culture Studies, Associate Professor,
Head of Department of Cultural Studies and Museology*

E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru

Khabarovsk State Institute of Culture

Khabarovsk, Russia

The article deals with a “myth” problem of Priamurye as a cross-border territory through the concept of Cosmo-psycho-logos (by G.D. Gachev). The paper emphasize Verticality/Horizontal dichotomy based on natural landscape of this territory inhabited by local peoples (Ulch, Nanai, Oroch, Udege, Evenks, Evens, Negidals), so that dichotomy can form specific “world image”. The authors cover basic mythologemes and symbols of Priamurye native peoples dealing with the image of Verticality (three-part world model, spirits and gods hierarchy, cosmogony order, mythological birds, the river, traditional dwelling, shamanic tree and cult trees, the mountain etc.) and emphasize the role of traditional shaman who is to deal with the Verticality. The authors examine the modern Priamurye myth’s eclecticism and weak structure having significant amount of borrowings, so it seems difficult to draw a strict borderline between “aboriginal” and “Russian” world images. The authors conclude on reasons why shamanism and modern shamanic practices can be popular nowadays.

Key words: verticality, Cosmo-psycho-logos, crosstraditional shamanism, shamanism, Amur region, modern shamanism, cross-border territory, universals

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-92-101-108

EDN: PUYQKO

1. Arkhiv PKO RGO-OIAK. Fond V.K. Arsen'eva. Op. 1. D. 11. Putevoi dnevnik. Orochi, udege (Journey notes, Orochi, udege) 1908–1909 gg.
2. Bart, R. Mifologii (Mythologies) / R. Bart; per s fr., vstup. st. i komment. S.N. Zenkina. – M.: Akademicheskii proekt, 2010. – 351 s.
3. Berri Dzh. U. Ekokul'turnaia psikhologiya (Ecocultural psychology) / Dzh. U. Berri. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/326815888> (data obrashhenija: 06.04.2023).
4. Bereznitskii, S. V. Etnokul'turnye proektsii sakral'nykh landshaftov u korennykh narodov Amura i Sakhalina (Ethnocultural projections of sacred landscapes of Amur and Sakhalin native people) // Etnografiia. 2021. №4 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-proektsii-sakralnyh-landshaftov-u-korennykh-narodov-amura-i-sakhalina> (data obrashhenija: 06.04.2023).
5. Bliakher, L. E. Regional'naia samoidentifikatsiia i transgranichnye praktiki na Dal'nem Vostoke Rossii (Regional self-identification and cross-border practices on Russian Far East) // Prostranstvennaia ekonomika. – 2005. – №1. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-samoidentifikatsiya-i-transgranichnye-praktiki-na-dal-nem-vostoke-rossii> (data obrashhenija: 06.04.2023).
6. Gachev G.D. Natsional'nye obrazy mira: kurs lektsii (National images of the world) / G.D. Gachev. – M.: Academia, 1998. – 429 s.
7. Ivashchenko, Ia. S. Mifologicheskaja interpretatsiia mira v ustroystve traditsionnogo nanaiskogo zhilishcha (Mythological interpretation of the world in local Nanai dwelling) // Vestnik DVO RAN. – 2010. – №2. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologicheskaya-interpretatsiya-mira-v-ustroystve-traditsionnogo-nanayskogo-zhilishcha> (data obrashhenija: 06.04.2023).
8. Kaganskii, V. L. Situatsiia granitsy i logiko-semioticheskie tipy granits (Border situation and logical and semiotic types of borders) / V. L. Kaganskii // Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury. – 2015. – № 4(21). – S. 5-27.
9. Koroleva, E. A. Ezoterizm v transgranichnoi kul'ture (k postanovke problemy) (Esoterism in cross-border culture) / E. A. Koroleva // Obshchestvo: filosofii, istoriia, kul'tura. – 2019. – № 6(62). – S. 52-55.
10. Kryzhanovskaia, Ia. S. Zrelishe v traditsionnoi kul'ture tunguso-man'chzhurov i nivkhov iuga Dal'nego Vostoka Rossii (seredina XIX – nachalo XXI vv.) (Performance in traditional Tungus-Manchurian and Nivkh culture in the south of Russian Far East): dis. ... d-ra kul'turologii: 24.00.01 / Kryzhanovskaia Ia.S. – Komsomol'sk-na-Amure, 2019. – 411 s.

11. Mifologicheskii slovar' (Mythological dictionary)/ Gl. red. E. M. Meletinskii. – M.: Sov. entsiklopediia, 1990. – 672 e.: 16 l. il.
12. Naselenie Khabarovskogo kraia, chislennost', zaniatost' (Khabarovki kray population, quantity, Business). [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://bdex.ru/naselenie/habarovskiy-kray> (data obrashhenija: 06.04.2023).
13. Petrunina, Zh. V. K probleme transformatsii natsional'noi identichnosti russkikh na Severo-Vostoke Kitaia (To the problem of national identity transformation by Russian on the North-West of China) / Zh.V. Petrunina, G.A. Shusharina, T.A. Chebaniuk // Vestnik Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. – 2022. – №VI-2 (62). – S. 46 – 49.
14. Smoliak, A. V. Shaman: lichnost', funktsii, mirovozzrenie (narody Nizhnego Amura) (Shaman: personality, functions, worldview) / A.V. Smoliak. – M.: Nauka, 1991. – 280 s.
15. Startsev, A. F. Etnicheskie predstavleniia tunguso-man'chzhurov o prirode i obshchestve (Ethnic views of Tungus-Manchurians on nature and society) / A.F. Startsev. – Vladivostok: Dal'nauka, 2017. – 232 s.
16. Shan'shina, E. V. Mifologiya pervotvoreniia u tungusoiazychnykh narodov iuga Dal'nego Vostoka Rossii. (Opyt mifologicheskoi rekonstruktsii i obshchego analiza) (Cosmogonic mythology of Tungus-Manchurian peoples in the south of Russian Far East) / E.V. Shan'shina. – Vladivostok: Dal'nauka, 2000. – 156 s.
17. Shternberg, L. Ia. Giliaki, orochi, gol'dy, negidal'tsy, ainy (Gilyaks, oroch, nanai, negidals, ainu) / L.Ia. Shternberg; pod red. i s predisl. Ia.P. Al'kora (Koshkina). – Khabarovsk.: Knizh. izd-vo, 1933. – 740 s.